

—

XVI.

Этой ночью в поместье Шестого принца было тихо. Хотя до Праздника середины осени оставалось еще несколько дней, луна в небе уже почти налилась полной силой. Она ничуть не походила на тот тонкий серп, что они видели на горной вершине у старой сливы; теперь она была величественной и сияющей, заливая всё вокруг своим нежным, чарующим светом.

Лунные лучи падали на гладкие плиты двора, словно чистая, прозрачная вода, в которой отражались два благоухающих куста османтуса, посаженных под окном.

Внутри, на мягкой кушетке у окна, Гу Сююань изменил своей привычке всегда держать спину прямой. Он вольготно откинулся на стену, согнув одну ногу в колене, а вторую вытянув. В руке он небрежно держал чашу с вином из лепестков османтуса, потягивая его маленькими глотками. В этом жесте сквозила редкая для него широта души и истинное изящество.

Стоило ему поднять голову — он видел луну в небе; стоило опустить — он видел своего возлюбленного.

Се Сюань, положив голову на вытянутую ногу Гу Сююаня, потерся о нее щекой и хихикнул:

— У отца такой характер — он и капли обиды стерпеть не может. Я всего лишь пару дней поразговаривал с ним дерзко, а он взял и бросил все приличия. Так открыто выставил Се Хуаня вперед... Думаю, мой Первый и Второй старшие братья сейчас пребывают в полнейшем замешательстве.

— Особенно Второй брат. Хоть он и спасся из пасти тигра, но один глаз ему всё-таки выбили. Бедняга, трон ему теперь точно не светит.

Гу Сююань опустил взгляд, холодно взирая на этого притворщика:

— В голосе Вашего Высочества я слышу лишь злорадство, и ни тени сожаления или жалости.

Се Сюань тут же возмущенно распахнул глаза:

— Гу Сюнь, ты вообще на чьей стороне?

Его Второй брат обожал звериные бои. Говорили, что он тайно построил целый зверинец, где не только стравливал хищников, но и намеренно заставлял людей биться с ними на смерть. Сколько невинных мастеров там погибло — не счесть. А теперь он сам лишился глаза из-за зверя — разве это не заслуженное возмездие?

— Угу, — Се Сюань самоуверенно хмыкнул.

Маленький принц в последнее время становился всё более изнеженным и капризным.

— Я, разумеется, на твоей стороне, — небрежно отозвался Гу Сююань, возвращаясь к чаше с ароматным вином.

Се Сюань сразу почуял фальшь в его голосе. Раздраженно ударив кулачком по кушетке, он резко выпрямился и... к несчастью, с силой боднул головой в его твердый подбородок. Имея

изначальное намерение просто покапризничать, он тут же воспользовался случаем и жалобно запричитал:

— Ой-ой-ой! Больно!

Гу Сьюань бросил на него короткий взгляд и тихо рассмеялся, но всё же исполнил желание юноши — протянул руку и стал нежно растирать его лоб:

— Изнеженный ты ребенок...

— Хм... — Се Сюаню стало чуть легче на душе, но он не удержался от шпильки: — Не знал, что ты так любишь выпивку. Пьешь так, что на меня и внимания не обращаешь.

Гу Сьюань поднес чашу к его губам:

— Попробуй. Это вино из османтуса, как раз по сезону. Мастера в твоём поместье его варили. Крепости в нём почти нет, зато вкус отменный.

Се Сюань облизнул губы и улыбнулся:

— Ладно, попробую.

В следующий миг его тонкие белые ладони оттолкнули чашу в сторону, а сам он бросился в объятия Гу Сьюаня, впиваясь в его губы. Его язык не встретил никакого сопротивления и легко проник внутрь. И правда — густой, чистый аромат османтуса и хмеля мгновенно заполнил всё пространство.

Глаза Гу Сьюаня прищурились. Его маленький принц мог быть капризным и вредным в чём угодно, но в делах любви он всегда был инициативен и искренен. Это было лучшим его качеством.

Гу Сьюань легким движением пальцев отбросил чашу — та плавно опустилась на чайный столик поодаль, не пролив ни капли. Его руки крепко обхватили податливое, теплое тело, прижимая к себе. В месте соприкосновения их губ инициатива мгновенно перешла от одного к другому.

— М-м... — Се Сюань привычно издал томный стон.

Хватка Гу Сьюаня стала ещё крепче, их тела слились в одно целое. Знакомый жар и дурманящая страсть мгновенно заполнили комнату. Спустя долгое время, чувствуя, как тело принца начинает мелко дрожать, Гу Сьюань слегка прикусил его мягкую нижнюю губу — словно лакомился самым изысканным фруктом — и медленно отстранился.

Се Сюань, лишившись сил, привалился к нему, тяжело дыша приоткрытым ртом. Гу Сьюань своими мозолистыми пальцами начал медленно обводить черты его лица, губы и щеки, которые так радовали его взор.

— Ваше Высочество сами проявляете инициативу, но сами же никогда не можете выдержать до конца, — невозмутимо прокомментировал он.

— ... — Се Сюань не удостоил его ответом, лишь некультурно закатил глаза.

«Думаешь, у всех такая нечеловеческая конституция, как у тебя? Тебе, кажется, вообще дышать не обязательно».

Пальцы Гу Сююаня остановились на его пухлой алой губе, слегка надавливая:

— Ну так что, Ваше Высочество, вкусное вино из османтуса?

Се Сюань хоть и был «бесплезен» в плане выносливости, но характер имел твердый. Он высунул кончик языка и лизнул палец, прижатый к его губам, намеренно протянув:

— Вино, поданное на коже такого несравненного красавца, как генерал Гу — это, безусловно, изысканнейшее лакомство. Такое редко выпадает шанс отведать.

— Хе... «вино на коже»? У Вашего Высочества богатая фантазия, — Гу Сююань лишь холодно усмехнулся, усиливая давление на губу юноши.

— С-с... — Се Сюань вскрикнул от боли.

Гу Сююань и бровью не повел. Его свободная левая рука едва заметным движением призвала внутреннюю силу — и кувшин с вином, стоявший на столике, сам взлетел ему в ладонь.

Почему-то при виде этого у Се Сюаня возникло нехорошее предчувствие. Он поспешно сменил тему:

— Эй, великий полководец Гу, уже так поздно, почему ты не идешь домой? Если выпьешь целый кувшин, боюсь, не уснешь?

Гу Сююань одарил его ледяным взглядом.

— ... — Се Сюань.

Он тяжело сглотнул:

— Ладно, ладно, можешь уйти попозже.

Гу Сююань слегка взвесил в руке глиняный кувшин и холодно произнес:

— Я сейчас в отпуске. К тому же моё задание напрямую связано с поместьем Шестого принца, так что я обоснуюсь здесь на постоянной основе.

— А... Какое совпадение. Я... я очень рад, — заискивающе улыбнулся Се Сюань.

Гу Сююаня, конечно, не так легко было купить этой мимолетной любезностью. Его лицо оставалось бесстрастным:

— Я слышал, что в кухне Цзяннани есть понятия «кожа, скрывающая воду» и «вода, скрывающая кожу». А раз уж Ваше Высочество упомянули о великолепии «вина на коже», было бы упущением не испробовать «кожу, скрытую вином».

— ... — Се Сюань моргнул. — Это... это как понимать?

В следующий миг он почувствовал холод на шее.

Ароматное, прозрачное вино потекло из коричневого горлышка кувшина. Начав с его открытой белой шеи, оно медленно стекало по всей коже.

Се Сюань широко раскрыл глаза. Так вот оно что... вот это и есть «кожа в вине»?

— Рыть винный пруд в полу было бы слишком расточительно, — спокойно заметил Гу Сюань.
— А так — вполне достаточно.

Се Сюаня подхватили на руки, превратив в живой сосуд для вина. И каждый участок его кожи, омытый хмельным напитком, был тщательно «оценен» и «прокомментирован» одним очень дотошным ценителем.

— ... — Се Сюань.

В общем, после всего этого, глядя на россыпь синяков и следов на своем теле, он мог сказать лишь одно: он горько раскаялся. Нельзя так вести дела — это был крайне убыточный обмен. Он ведь всего лишь попробовал каплю вина с губ Гу Сюаня...

Прошло еще несколько дней, и наконец наступил Праздник середины осени.

По старинному обычаю, в эту ночь в императорском дворце устраивался большой пир. За столами собирались не только члены императорской семьи, но и заслуженные сановники империи. В этот раз торжество имело особый подтекст: через два дня северный князь со своей свитой должен был покинуть столицу, так что вечер стал одновременно и прощальным банкетом.

Празднество давали в зале Уин. По всему залу были развешаны разноцветные дворцовые фонари, а между столами расставлены кадки с цветущим османтусом. Золотистые соцветия, тесно прижавшиеся к изумрудной листве, выглядели изящно и наполняли воздух густым, сладким ароматом.

Се Сюань прибыл очень рано. Устроившись на своем месте, он не стал дожидаться церемоний: как только начали подавать закуски, он взял палочки и принялся неспешно есть и пить. Военные и гражданские чиновники, завидев его, слегка удивлялись такой непринужденности, но все же подходили засвидетельствовать почтение. В эти дни в манерах Се Сюаня сквозило явное высокомерие, но направлено оно было вовсе не на чиновников — им он отвечал вполне благосклонно, соизволяя кивать в ответ на приветствия.

Вскоре появились Первый принц Се Хун и Второй принц Се Куань. Дела у обоих в последнее время шли из рук вон плохо, и когда они увидели толпу придворных, вьющуюся вокруг Се Сюаня, в то время как рядом с ними было пусто, их лица стали холоднее льда.

Се Хун после дела о покушении на жертвоприношении и коррупционного скандала в уезде Лин потерял одного за другим своих верных соратников. Его влияние так сократилось, что он больше не мог тягаться с Шестым братом. Что касается Се Куаня, то из-за потери глаза все его надежды на престол превратились в прах. Трон больше не светил калеке, и он стал пугающе угрюмым. Чиновники, хоть и слыли людьми достойными, в массе своей были флюгерами и не желали больше тратить время на опальных принцев.

Спустя еще некоторое время прибыл северный князь с сыном и дочерью. Лицо принцессы было не таким живым, как обычно — очевидно, она грустила из-за предстоящей разлуки с домом.

Когда Се Сюань уже почти насытился, в зал вошел Гу Сюань. Он проследовал напрямик к возвышению, где стоял трон, и занял свое место по правую руку от Сына Неба. Именно сегодня утром указом императора Гу Сюаню был пожалован титул титулярного генерала первого ранга (Фэнго-цзянцзюнь). После десятидневного отпуска он официально вернулся к своим обязанностям по охране дворца.

Се Сюань поднял голову и озорно подмигнул ему. Министры тут же смолкли, прекратили пустые разговоры и разошлись по своим местам.

— Его Величество император! Ее Величество вдовствующая императрица! — раздался зычный голос стражника у входа.

Осенний пир был праздником воссоединения семьи. Император Цзяньчжао вошел в сопровождении вдовствующей императрицы, наложниц и Четвертого принца Се Хуаня. Зал в едином порыве склонился в поклоне, оглашая своды здравицами в честь государя и его матери.

Император, казалось, был в добром расположении духа. Велев всем подняться, он произнес несколько поэтических фраз о том, что «хоть нас разделяют тысячи ли, мы делим сияние одной луны», и объявил пир открытым. Зазвучала музыка, закружились танцоры — в зале воцарилось безудержное веселье.

Се Сюань, который уже наелся, теперь скучающим взглядом обводил зал. Конечно, главной его целью был Гу Сыюань. Про себя он возмущался: «Зачем моему мужчине этот титул, если все кругом едят и пьют, а он должен столбом стоять подле императора? Правильно я решил — надо скорее поднимать мятеж. В такой праздник мой суженый даже горячего кусочка съесть не может, сердце кровью обливается».

Гу Сыюань, разумеется, чувствовал этот липкий, пристальный взгляд. Внешне он оставался невозмутимым ледяным изваянием, но в душе лишь вздыхал: его маленький принц окончательно перестал себя сдерживать.

Впрочем, не все на этом пиру думали только о еде. У многих были свои скрытые мотивы. После неудач Первого и Второго принцев многие придворные внезапно «заметили» существование Се Хуаня. А уж после того, как император объявил о его браке с северной принцессой, интерес к нему достиг пика. Весь вечер чиновники наперебой подходили к нему с вином, так что лицо Се Хуаня заметно покраснело.

То ли хмель ударил в голову, то ли старые обиды дали о себе знать, но Се Хуань то и дело бросал косые взгляды на Се Сюаня — словно что-то безмолвно провозглашая. Се Сюань на него даже не смотрел, будучи полностью поглощен тайным созерцанием своего генерала. Однако чем больше Шестой принц демонстрировал безразличие, тем сильнее это задевало Се Хуаня.

В какой-то момент Се Хуань снова обернулся к брату, но именно в эту секунду слуга подошел с вином. Се Хуань неловко взмахнул рукой, опрокидывая кувшин прямо на себя. Роскошное одеяние принца, расшитое золотыми драконами, мгновенно промокло. Слуга, побледнев от ужаса, повалился в ноги господину, мелко дрожа.

Се Хуань нахмурился. Се Сюань в этот момент как раз посмотрел в его сторону и слегка изогнул уголок рта. В глазах Се Хуаня эта ухмылка была полна издевки. Он холодно хмыкнул, но, взглянув на слугу, выдал из себя мягкую улыбку и великодушно махнул рукой:

— Ничего страшного, вставай, я не виню тебя. Мне просто нужно сменить одежду.

Сейчас он изо всех сил старался создать себе репутацию добродетельного принца. На глазах у стольких людей не было нужды срываться на слугу, а уж тем более давать повод Се Сюаню для насмешек.

Слуга отвесил глубокий поклон и поспешно скрылся. Се Хуань шепнул что-то помощникам и направился в боковой павильон переодеваться. Лишнего платья при нем не было, но он послал

человека в свой дворец Фэйхун, где для него всегда хранилось несколько комплектов одежды. К слову, его мать была единственной из наложниц высокого ранга, кто не присутствовала на сегодняшнем пиру.

Однако этот уход Се Хуаня затянулся. Пир уже перевалил за середину. Если сначала речи шли о красотах и делах Великой Лян, то теперь император обсуждал с северным князем обычаи его земель — мол, принцесса скоро станет женой Четвертого принца, и такие разговоры помогут унять ее тоску по родине. Император Цзяньчжао торжественно пообещал, что Се Хуань будет относиться к жене со всей нежностью. Северный князь удовлетворенно кивал.

Раньше северный князь полагал, что больше всех император Великой Лян любит Шестого принца Се Сюаня, но в последние дни он видел, что государь ни на шаг не отпускает от себя Четвертого принца Се Хуаня.

«Что ж, — думал князь, — если дочь выйдет за Четвертого, это тоже неплохо».

Сама же принцесса, слушая эти разговоры, пребывала в подавленном настроении, хотя по натуре была девушкой жизнерадостной и веселой. Глядя на нее, северный князь и сам немного приуныл. Он посмотрел в сторону Четвертого принца, втайне надеясь, что этот будущий монарх и его зять будет добр к его дочери.

Но спустя какое-то время он заметил, что место принца пустует. Он помнил, что совсем недавно толпа придворных наперебой предлагала ему вино. Где же он?

Император Цзяньчжао, перехватив его взгляд, спросил стоящего рядом Ван Чэнъина:

— Где Хуань-эр? Почему его не видно?

Ван Чэнъин поспешно ответил:

— Ранее Четвертый принц облил одежду вином и, должно быть, отправился в боковой павильон переодеться.

Император кивнул:

— Пошли кого-нибудь проверить. Северный князь скоро покидает столицу, Хуань-эр теперь ему почти зять, он должен выпить с ним еще несколько чаш на прощание.

— Слушаюсь, — кивнул Ван Чэнъин и тотчас подозвал маленького евнуха, отправив его на поиски Четвертого принца.

В зале люди уже давно насытились. Стояла теплая осень, поэтому никого не смущало, что блюда на столах остыли. Гости лениво откинулись на спинки стульев: кто наслаждался танцами, кто вполголоса беседовал с соседями, налаживая связи. Атмосфера была оживленной, но мирной.

И вдруг резкий, пронзительный женский крик не только прорезал ночное небо над дворцом, но и мгновенно отрезвил захмелевших гостей в зале Уин. Все непроизвольно выпрямились, переглядываясь; в глазах придворных заплясали огоньки любопытства — запахло скандалом.

Император Цзяньчжао нахмурился. Дворец — его личная территория, и любое происшествие здесь било по его престижу. К тому же какое-то неясное дурное предчувствие кольнуло его сердце. Он повернулся к стоящему рядом Гу Сыюаню:

— Сьюань, пойдй посмотри, что там случилось.

— Слушаюсь, — принял приказ Гу Сьюань.

Се Сюань, сидевший внизу, перед его уходом загадочно подмигнул ему. По этому взгляду Гу Сьюань понял всё: если что-то и случилось, то в восьми-девяти случаях из десяти это дело рук его маленького проказника.

Место происшествия находилось недалеко от зала Уин — в павильоне Линьси в саду дворца Ниншоу. Их разделяла лишь площадь, иначе крик не долетел бы до ушей пирующих. Обладая феноменальной скоростью, Гу Сьюань оказался там в считанные мгновения — в комнате даже не успели закрыть дверь.

Гу Сьюань спокойно окинул взглядом представшую картину. Не нужно было даже гадать — двое в комнате еще не успели накинуть одежду. Он не стал тратить слова на расспросы и просто развернулся, чтобы уйти.

Се Хуань мгновенно изменился в лице. Прикрывая нагую грудь одеялом, он в панике закричал вслед:

— Генерал Гу, это недоразумение! Недоразумение!..

А лежащая рядом Цзян Яньян, тоже совершенно обнаженная, уже начала быстро натягивать платье.

Настоящий спектакль вот-вот должен был начаться.

Когда Гу Сьюань вернулся в зал Уин, с момента его ухода не прошло и сотни вдохов. Но толпа гостей уже высыпала к дверям зала. Завидев его, император Цзяньчжао с мрачным лицом спросил:

— Сьюань, что там произошло? Кто посмел так вести себя во дворце?

Гу Сьюань поднял взгляд на разгневанного императора и про себя подумал: «Ох, только не пожалей потом об этом вопросе. Боюсь, сейчас ты разозлишься еще сильнее».

Он сложил руки в приветствии и с холодным лицом произнес:

— Это дело касается девичьей чести и доброго имени Четвертого принца. Я не в курсе всех подробностей, так как поспешил выйти сразу же, как вошел. Думаю, будет лучше, если наложницы императорского гарема отправятся в павильон Линьси и во всем разберутся.

В следующее мгновение лицо императора Цзяньчжао резко исказилось. Он посмотрел на Гу Сьюаня так, будто хотел заставить его проглотить эти слова обратно. Однако среди толпы уже пошел шепоток — придворные всегда питали слабость к подобным интригам.

Особенно оживилась благородная наложница Лу. Она тут же с воодушевлением вызвалась:

— Раз так, я сама возглавлю дам и пойду посмотрю!

Радость от предстоящего зрелища буквально читалась на ее лице. Император метнул в нее свирепый взгляд, но наложница Лу за долгие годы привыкла к своей власти и положению, к тому же сегодняшнее событие было частью их с сыном плана. Она и бровью не повела.

Напротив, она с улыбкой повернулась к вдовствующей императрице:

— Матушка, боюсь, я по молодости могу чего-то не учесть. Не соблаговолите ли вы отправить со мной одну из ваших доверенных дворцовых дам?

Вдовствующая императрица, всегда благоволившая к ней, медленно кивнула:

— Пожалуй, так будет лучше.

Не успело затихнуть эхо этих слов, как наложница Лу, едва ли не вприпрыжку, во главе свиты поспешила прочь. Глядя ей в след, Гу Сьюань подумал, что мать и сын — Се Сюань и благородная наложница Лу — определено одной крови: оба прирожденные актеры.

Спустя еще некоторое время прибежал маленький евнух. Задыхаясь, он пролепетал:

— Ваше Величество... Ваше Величество вдовствующая императрица... Наложница Лу передает, что дело касается младших членов семьи, которых вы столь любите, и она не смеет решать его сама. Тем более что девица Цзян Яньянь чуть не лишила себя жизни — с такой силой ударила головой о колонну в павильоне Линьси, что всё кругом залито кровью...

— Госпожа также сказала, что сейчас там больше нет ничего непотребного, и просит Ваше Величество и вдовствующую императрицу лично прибыть в павильон Линьси, чтобы решить, как поступить в этой ситуации.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281633>